

НАРРАТИВНЫЕ МАКРОСТРУКТУРЫ В КОЛЛЕКТИВНОЙ ПАМЯТИ УКРАИНЫ

Александра Андреевна Нечаева
(a.nechaeva@spbu.ru)

Санкт-Петербургский государственный университет,
Санкт-Петербург, Россия

Цитирование: Нечаева А.А. (2020) Нарративные макроструктуры в коллективной памяти Украины. *Журнал социологии и социальной антропологии*, 23(4): 103–135. <https://doi.org/10.31119/jssa.2020.23.4.4>

Аннотация. Моменты общественных потрясений и перестройки привычного образа жизни вызывают активизацию мнемонических процессов выстраивания идентичности общности. Усиление таких процессов началось в Украине в конце 2013 — начале 2014 г. В условиях изменяющейся геополитической ситуации производство и трансляция коллективной памяти нации становились все более заметными. Мы предприняли попытку выявить нарративно транслируемые макроструктуры коллективной памяти Украины, формируемые с 2014 г. на украинских онлайн-порталах. Теоретические основания работы находятся в области *memory studies* и изучения нарративов. Методологической основой исследования послужил метод нарративного анализа, позволяющий изучить социальные отношения, находящие выражение в языковых практиках и отдать должное процессуальному характеру исторических событий. Была разработана авторская методика выявления и описания нарративных макроструктур коллективной памяти на основе синтеза подходов К. Бурка, Дж. Верча, Т. Тереховой и структурно-событийного анализа Д. Хайзе. Материалами для исследования выступали текстовые статьи, комментарии и видеосюжеты, размещенные на трех украинских онлайн-порталах, наиболее соответствующих заявленной тематике и привлекающих значительное количество посетителей: «ЛІКБЕЗ. Історичний фронт», «Пам'ять Нації» и на официальном сайте Украинского института национальной памяти. В результате проведенного исследования были выявлены и охарактеризованы четыре нарративные макроструктуры коллективной памяти современной Украины и показано их соотношение: «Украина как жертва», «Украина как отдельное самобытное государство», «Украина как героический боец» и «Украина как часть Европы».

Ключевые слова: нарративный анализ, схематические шаблоны нарратива, коллективная память, макроструктуры коллективной памяти, идентичность, Украина.

На рубеже 2013–2014 гг. Украина столкнулась с рядом событий, оказавших существенное влияние как на ее дальнейшее развитие, так и на мировую геополитическую ситуацию в целом. Евромайдан, Крымская весна и конфликт на Донбассе привели к необходимости определения и укреп-

пления собственной идентичности, поиска новых политических ориентаций и легитимизации нового правительства. Как указывал А. Мегилл, мнемонические процессы наиболее ярко активизируются в моменты кризисов и переходных исторических ситуаций, к которым можно отнести описанные выше события (Megill 1998). Оказавшись на пороге политических реформ и потрясений, Украина встала перед необходимостью сформировать собственный образ, который бы мог поместить произошедшие события в единый исторический континуум, заявить о собственных ценностных ориентациях и обосновать дальнейший путь развития государства. Перед нами стояла задача проанализировать структуры коллективной памяти Украины, которые начали транслироваться с 2014 г.

Теоретическим основанием проведенного исследования стала теория коллективной памяти, которая позволяет рассмотреть прошлое нации не как устоявшуюся данность, а как объект, подвергающийся интерпретации и репрезентации. Среди прочих идея М. Хальбвакса о существовании социальных рамок памяти позволила рассмотреть репрезентации прошлого Украины в условиях современного политического и социального контекста страны. Кроме того, были использованы теоретические подходы А. Ассманн и Е. Мейер к пониманию культурной и политической памяти. Данные подходы позволяют учитывать такие характеристики памяти, как:

- медиация через институциональные формы;
- не отражение фактических событий прошлого, а их избирательная репрезентация;
- использование контекста настоящего для определения значения событий прошлого;
- отсутствие стабильности и монолитности, развитие и изменение в процессе человеческого взаимодействия;
- ключевая роль в формировании идентичности группы;
- установка набора норм и ценностей в настоящем через интерпретацию прошлого.

Еще одним теоретическим основанием исследования стали представления Д. Ловентала о неразрывной связи коллективной памяти и идентичности общности. Общие взгляды и убеждения группы становятся основой сохранения «чувства общности и культурной солидарности, которая важна для формирования и легитимизации каждой национальной идентичности» (Lowenthal 1998: 29).

Кроме того, была использована теория нарратива, в том числе идеи Дж. Верча о существовании конкретных нарративов и схематических шаблонов нарративов. Данная теория позволяет рассматривать социаль-

ные практики в тесной связи с оказывающим влияние на них историческим и социокультурным процессом. Применение теории нарратива сделало возможным объяснение макроструктур коллективной памяти через концепт схематических шаблонов нарратива.

Коллективная память и ее виды

Коллективное измерение памяти сложилось на рубеже IX–XX вв. под влиянием идей Э. Дюркгейма. Социальные рамки памяти оказались в фокусе внимания таких исследователей, как М. Хальбвакс, М. Блох, А. Варбург, ставших родоначальниками сложившегося впоследствии междисциплинарного направления *memory studies*.

Новая волна исследований коллективной памяти приходится на 1980-е годы, она получила название «бум памяти». Продолжалась концептуализация понятия коллективной памяти (П. Рикер, Б. Мисстал, М. Россингтон, А. Вайтхед, Б. Шварц, Е. Каракан). Появились работы, посвященные различным видам коллективной памяти — культурной, политической, социальной (Я. Ассманн, А. Ассманн, А. Эрлл, В. Фортунати, Е. Ламберти, Е. Мейер, П. Шерлок, А. Конфино, Р. Козеллек, Дж. Олик, А. Барниер, *Popular Memory Group*). Б. Андерсон разрабатывал концепцию «воображаемых сообществ», Э. Хобсбаум занимался исследованием вопросов «изобретения традиций».

Впоследствии начали разрабатываться вопросы соотношения памяти и идентичности (Д. Ловенталь, Л. Смит, А. Мегилл, Б. Грэм, П. Ховард, Н. Кинг). Значительное количество исследований было посвящено медиации коллективной памяти (Б. Зелизер, Р. Вагнер-Пацифиси, А. Ландсберг, М. Нейджер, Е. Зандберг, М. Стуркин, М. Зирольд, Л. Френч). Кроме того, развивались идеи о нарративной основе коллективной памяти в работах таких исследователей, как Дж. Брокмейер, К. Герген, Д. Граус, Кр. Колввраа, Л. Гриффин, Р. Винсент, Дж. Верч. В последние десятилетия благодаря работам Х. Рудиджера, Дж. Олика, Дж. Роббинс, В. Канштайнера, Е. Кейтли осуществляются попытки синтеза проблем памяти, идентичности, традиций, коммемораций и т.д.

Становление *memory studies* как научной области во многом обязано идеям, высказанным Э. Дюркгеймом. Он указывал на значимость разделяемого видения прошлого для формирования единства группы (Дюркгейм 2018). Однако основателем дисциплины *memory studies* принято считать ученика Э. Дюркгейма М. Хальбвакса, введшего в употребление термин «коллективная память». М. Хальбвакс занимался вопросами социальной детерминированности памяти, которую он описывал с помощью понятия социальных рамок, обуславливающих содержание памяти (Хальб-

вакс 2007). Он также указывал на то, что коллективная память обязана своим существованием процессам коммуникации, происходящим внутри группы. Благодаря этой особенности отдельно взятый человек получает возможность хранить воспоминания не только о персонально пережитых событиях, но и о тех, о которых узнал в процессе коммуникации. «Социальные рамки памяти служат инструментом, взятым на вооружение коллективной памятью для создания образов прошлого, которые в данный момент соответствуют ключевым идеям обозначенного общества» (Halbwachs 1992: 58).

Я. Ассманн впервые употребил термин «культурная память», рассмотрев его как один из видов коллективной памяти (Assmann 2012). В отличие от коммуникативной памяти, формирующейся в рамках одного поколения, культурная память может создаваться и сохраняться веками (Assmann 2012). Согласно автору, культурная память нуждается в определенных точках фиксации, таких как текстовые и визуальные носители, монументальные и архитектурные конструкции, церемонии и ритуалы. Концептуализацией и анализом феномена культурной памяти занималась также А. Ассманн. Она указала на функцию формирования идентичности группы, отличающую память от простого исторического знания. Кроме того, исследователь выделила четыре основных разновидности памяти: индивидуальную, социальную, политическую и культурную (Assmann 2011). Различия между ними определяются размером группы-носителя, продолжительностью существования, наличием возможности различных интерпретаций и формирующими субъектами.

Астрид Эрл широко понимает понятие культурной памяти, включая в него «медиа, такие разнообразны практики и структуры, как мифы, памятники, историографию, разговорные воспоминания, конфигурацию культурного знания и нейро-сети» (Erll 2011: 49). В качестве главных характеристик культурной памяти выделяются ее способность формировать и сохранять ценностные ориентиры группы, протяженность во времени, превышающую жизненный цикл отдельного индивида, и участие в процессе конструирования идентичности общности (Harth 2008).

Многие авторы уделяли внимание рассмотрению такой разновидности коллективной памяти, как политическая память. Она играет важную роль в жизни государства, так как помогает определить место и значение событий прошлого в настоящем при смене политических режимов (Meuer 2008). Подобное встраивание прошлого в актуальную картину современности служит легитимизации правящего режима, указывает на выбранные ценностные ориентации. Е. Мейер, рассматривая классификацию типов памяти, предложенную А. Ассманн, выдвигает идею о том, что трансфор-

мация коммуникативной памяти в культурную всегда является результатом принятого политического решения (Meyer 2008). Данную точку зрения поддерживает и Дж. Олик, называя коллективную память важным инструментом, применяемым политическими структурами. Popular Memory Group используют понятие доминирующей памяти, которую выстраивают субъекты, транслирующие репрезентации прошлого в публичное пространство. Доминирующей такой тип памяти назван благодаря ее убедительности и влиятельности, трансляции через институты власти и функции сохранения единогласия в обществе (Popular Memory Group 2011). Отличительные черты политической памяти во многом пересекаются с характеристиками памяти культурной. Основное различие между ними заключается в целеполагании: если политическая память призвана формировать легитимность, то культурная участвует в процессах выстраивания идентичности группы.

Основываясь на том, что формирование коллективной памяти Украины после Евромайдана, Крымского и Донбасского конфликтов 2014 г. является недавним и продолжающимся процессом, возникает вопрос, возможно ли определить тип формирующейся памяти как культурную, социальную или политическую.

Процесс выстраивания коллективной памяти на Украине соответствует разработанным А. Ассманн характеристикам культурной памяти. Повышенный интерес к прошлому и представление истории страны определенным образом направлены в первую очередь на выстраивание и укрепление идентичности нации, столкнувшейся с множеством спорных вопросов после Евромайдана, отделения Крыма и конфликта на Донбассе. Память реконструирует события из истории Украины, акцентируя внимание на одних, подтверждающих основные идеи новой национальной идентичности, и замалчивая другие. Данные репрезентации прошлого действительно формализованы, происходит постоянное обращение к объектам культурного наследия и создание новых — музеев, памятников, раскрытие исторических источников. Коммуникативные практики, определенные выражения и смыслы, транслируемые с помощью украинских СМИ и других каналов, в частности рассмотренных в ходе данной работы просветительских онлайн-порталов, частично контролируется различными институтами власти.

В соответствии с пятой характеристикой культурной памяти А. Ассманн формируемая память на Украине выполняет первоочередную функцию установления новых ценностей. Именно с помощью активных деклараций таких ценностей Украина стремится занять равноправное место среди стран Европейского союза на мировой арене. Кроме того,

именно память о прошлом, его понимание и оценка в современном контексте позволяют отражать национальную идентичность страны, позволяют представить себя в роли жертвы, борющейся с идеалами и пороками, навязанными агрессором, активно строящей свое будущее с ориентацией на национальное прошлое (независимое от России) и на европейские ценности в управлении, образовании и социальном устройстве.

Таким образом, все характеристики культурной памяти присутствуют в выстраиваемом конструкте, кроме одной, которая позволяла А. Ассманн разделять культурную и социальную память, а именно временной отрезок как минимум в 80–100 лет, который должен пройти с момента события. Большинство актуализируемых событий укладывается в данный временной промежуток (основные — это роль Украины во Второй мировой войне, голодомор 1930-х годов, существование Украинской Народной Республики и др.). Однако вопросы «аннексии» Крыма, которые актуализировали процессы выстраивания памяти на Украине, уже и сами включаются в исторический нарратив нации, отвечая запросам современного формирования идентичности. Крымский конфликт — недавнее событие, которое активно обсуждается и устно передается внутри поколения, которое стало его свидетелем. Тем не менее уже сейчас формируются институционализированные «хранители памяти» или «места памяти», если пользоваться терминологией П. Нора, придающие событиям определенные коннотации и окраску для дальнейших коммемораций.

М. Зирольд предлагает смягчить жесткие временные рамки, которые позволяли Ассманн разграничивать социальную и культурную память. Он отмечает, что современное развитие технологий, ускорение передачи информации посредством цифровых медиа указывает на то, что срок в 80–100 лет для фиксации памяти и ее трансформации из социальной в культурную может не отражать реалий сегодняшнего дня. М. Зирольд полагал, что концепция культурной памяти была недостаточно разработана А. Ассманн, что не позволило ей объяснить актуальные процессы социального воспоминания в современном мире. Согласно автору, появление цифровых технологий сместило временные координаты культурной памяти (Zierold 2008).

Таким образом, формируемая на сегодняшний день коллективная память на Украине одновременно сочетает в себе характеристики частично социальной памяти (существует внутри ныне живущего поколения), культурной памяти (закрепляется в «точках фиксации» — памятниках, учебниках, фильмах, предметах искусства и т.д.) и политической памяти (выстраивается для достижения определенных политических целей).

В ходе нашей работы были рассмотрены интернет-порталы, материалы в которых создаются по модели «сверху вниз» профессиональными

журналистами, исследователями или обычными заинтересованными гражданами. Один из порталов выступает транслятором идей правительственной организации — Украинского национального института памяти. Однако формат интернет-издания, который в том числе включает в себя интервью и авторские статьи, оставляет пространство для различных интерпретаций прошлого, не исключительно официальных и прямолинейных. Следовательно, несмотря на политическую роль, которую играет формируемая посредством подобных порталов память, на ее способность объяснять и вызывать поддержку политических решений и занимаемого политического курса на Украине, в данной работе речь пойдет о более широком понятии — культурной памяти. Таким образом, мы оставляем возможность для анализа различных представленных интерпретаций истории Украины, не ограничивая себя необходимостью отслеживать исключительно официальные политические заявления.

Поле изучения культурной памяти позволяет охватить исследования как целенаправленного построения нарративов и формирования идентичности, так и неявного ненамеренного культурного воспоминания через наследованную, визуальную или телесную память. В данной исследовательской работе фокус обращен на первую группу феноменов, рассматриваются случаи целенаправленного формирования памяти. Перед нами стояла задача проанализировать выстраиваемые структуры коллективной памяти Украины, которые начали транслироваться в 2014 г. Поскольку в рамках данной работы нас интересовал вопрос формирования коллективной памяти, ориентированной на население Украины, а не ее восприятия, в качестве исследовательских материалов были проанализированы просветительские интернет-порталы, освещающие вопросы истории Украины для широкой (непрофессиональной) аудитории.

Исследования коллективной памяти Украины

В академической литературе существует сформировавшаяся традиция исследования коллективной памяти Украины. Как правило, ученых интересуют вопросы выстраивания национальной идентичности государства посредством мнемонических практик после обретения Украиной независимости в 1991 г. Для описания происходящих процессов исследователи чаще всего обращаются к понятию «политики памяти», определяя его как «совокупность социальных практик, направленных на репрезентацию (или модификацию) определенных образов прошлого (образов общего прошлого), актуализированных современным политическим контекстом» (Киридон 2015: 244). Вопросы политики памяти или исторической памяти Украины разрабатывали такие авторы, как Г. Касьянов, В. Карнишин,

А. Портнов, М. Рябчук, В. Кравченко, О. Гриценко, А. Киридон, А. Якубин, Г. Гребенник и др. В рамках темы исследователям свойственно отмечать именно политический аспект формирования определенных репрезентаций прошлого, в большинстве работ смены мнемонических конструктов связываются со сменой сроков находящихся у власти президентов. Рассматриваются принятые указы, установленные памятники, мемориальные знаки, смена символической топографии городов во время правления Л. Кравчука, Л. Кучмы, В. Ющенко, В. Януковича и редко П. Порошенко. На основании различных политических курсов, выбираемых президентами, делаются выводы о существовании различных этапов построения исторической памяти государства.

Распространенной идеей, объединяющей работы данных исследователей, является тезис о неоднородности коллективной памяти Украины, о присутствии ей регионализма. Как правило, выделяются две доминирующие ориентации, определяющие память нации: ностальгически-советская и националистически-проевропейская. Разделение между ними некоторые проводят по географическому признаку, выделяя националистично настроенные Галицию и Волинь, традиционно русифицированные Восток и Юг, а также Центральную Украину — так называемую «третью Украину», «серую зону» (определения М. Рябчука). Другие авторы предлагают проводить разделение не по географическому или этническому, а по языковому признаку (русскоговорящие русские, украиноговорящие украинцы, русифицированные украинцы, равно владеющие двумя языками). Г. Касьянов, в свою очередь, выделяет три возможные модели построения коллективной/исторической памяти «в зависимости от их идеологического направления, институциональных и дискурсивных практик и форм репрезентации» (Касьянов 2016). Автор выделяет эксклюзивную, инклюзивную и смешанную модели. Эксклюзивная модель подразумевает исключение из целостного «правильного» исторического нарратива противоречащих ему «чужеродных» элементов. В рамках инклюзивной модели становится возможна интеграция различных версий коллективной памяти под эгидой объединяющего нарратива, например идеи гражданского патриотизма. Смешанная модель описывает сосуществование, но не слияние (как в инклюзивной) нескольких вариантов коллективной/исторической памяти, которые могут существовать даже на полярных политических полюсах.

Наиболее часто рассматриваемыми сюжетами, служащими точками дискуссии в процессе попыток построения исторического нарратива нации, являются голодомор и его статус (геноцид или трагедия многих народов), Великая Отечественная / Вторая мировая война и позиция Украины в ней (участник победоносной советской армии или жертва,

находящаяся между двух огней), позиция УПА (признание равноправия всех участников войны и героизация борцов за независимость Украины или презентация воинов УПА в качестве коллаборационистов фашистской Германии).

Г. Касьянов в историческом разрезе рассматривает существование различных описанных им моделей коллективной памяти Украины, указывает на борьбу национального и советско-ностальгического нарративов. Кроме того, он обращает внимание на то, что законотворческие проекты в политике памяти также бывают двух типов: устанавливающие определенные коммеморативные практики или, наоборот, вводящие ограничение. Первый тип говорит о наличии определенного консенсуса в обществе, второй сигнализирует о проблемах идентичности. Согласно автору, мемориальные законы Л. Кучмы стремились интегрировать два противоречащих друг другу нарратива памяти. «В рамках такой исторической политики можно было одновременно выстраивать конституирующий миф о Голодоморе 1932–1933 гг. в Украине как геноциде украинской нации и одновременно на государственном уровне отмечать юбилеи украинского комсомола и первого секретаря ЦК КПУ (1972–1989) В. Щербицкого» (Касьянов 2016). Закон, принятый В. Ющенко в 2005 г., направил формирование политической памяти Украины в иное, националистическое русло. А законы, последовавшие за «Революцией достоинства», были призваны внедрить Украину в европейские коммеморативные практики. При В. Януковиче произошла попытка возрождения советско-ностальгического мифа, особое внимание уделялось коммеморациям Великой Отечественной войны и включению Украины в российскую мемориальную традицию. Кроме того, Г. Касьянов описывает законы, принятые в 2015 г. и определяющие актуальную на сегодняшний день политику памяти. Среди них закон, ставящий своей целью уравнивание статуса воинов УПА и ветеранов Великой Отечественной войны, закон о запрете пропаганды и использования символики коммунистического и национал-социалистического тоталитарных режимов, заложивший основы процесса «декоммунизации» в Украине, закон о предоставлении доступа к архивам репрессивных органов.

В. Карнишин подтверждает выводы, заявленные в исследованиях Г. Касьянова. Автор также указывает на противостояние «национальной» и «советской истории», этнических русских и украинцев, дискуссии о преемственности Киевской Руси (Карнишин 2019). И. Симоненко предлагает разделять Украину по преобладающей исторической памяти на «национально-демократическую» и «постколониально-советскую» (Карнишин 2019).

И. Булкина, А. Любовец и другие поддерживают идею о негомогенности коллективной памяти Украины, указывают на формирование раз-

личных региональных моделей. «Констатируя, что на Украине отношение к прошлому неизменно находится под сильным политическим давлением, Л. П. Нагорная справедливо отмечает, что почти вся политика прошлого “осталась в зоне метафорического моделирования и мифологизации”» (Карнишин 2019: 102).

А. Киридон выделяет пять этапов формирования исторической памяти, связывая каждый из них с приходом к власти следующего президента (Киридон 2015). Главным направляющим вектором в рассмотренных этапах также становилось восприятие периода существования страны в составе Российской империи и СССР.

А. Портнов также занимался вопросами политической памяти Украины как способа построения национальной идентичности. Анализу, как и в других рассмотренных работах, подвергается политический курс, взятый Л. Кравчуком, Л. Кучмой и В. Ющенко. А. Портнов отмечает, что в существующих репрезентациях прошлого «Россия практически всегда выступает как архетипическая внешняя сила, наступавшая на “украинские вольности”, но не трактуется как “абсолютный враг” (в отличие, к примеру, от Османской империи и татар). В учебнике по всемирной истории Россия и СССР последовательно трактуются как империи, враждебные к украинцам. В очень редких случаях Московское государство выступает как союзник (фактически лишь в период 1654–1659 годов), в большинстве же случаев — исключительно как внешняя военная сила» (Портнов 2013: 240). Автор говорит о дилемме, представшей перед Украиной при необходимости выбора своей позиции относительно событий советского прошлого: представить себя его сотворцом или жертвой. В качестве основного нарратива памяти был выбран второй вариант. Подобные выводы были подтверждены и нашим нами исследованием.

А. Портнов также отмечает присущий Украине плюрализм моделей и смысловых наполнений структур коллективной памяти, ни одна из которых, однако, не обладает достаточной силой, чтобы стать доминирующей. Автор отказывается от упрощенного деления на Восток — Запад и предлагает обратить внимание на языковую границу, проходящую между городом и селом (Портнов 2013). Подобной позиции придерживается и М. Рябчук, призывающий говорить о внутренней мировоззренческой разделенности страны скорее, чем о внешней, географической (Рябчук 2003).

О. Гриценко, автор таких работ, как «Память местного производства» и «Президенты и память», произвел фундаментальный анализ исторической политики Украины, внедряемой тремя президентами (Л. Кучмой, В. Ющенко, В. Януковичем) на протяжении 20 лет. Автор рассматривал различные документы: изданные законы, постановления, отчеты о выполненной ра-

боте по установке памятников или переименованию городских объектов и т.д. О. Гриценко в большей степени интересовал не идеологически определенвшийся Запад или Юго-Восток страны, а Центральная Украина, которая, по словам М. Рябчука, является «не субъектом, а объектом политической борьбы между Западом и Востоком» (Гриценко 2014: 112). Нестабильность политики памяти в стране автор объясняет противостоянием, присутствующим внутри властных структур. Наиболее последовательным историческим нарративом автору представляется нарратив, формируемый во время правления В. Ющенко. Его ключевыми сюжетами становятся голодомор и положение УПА. О. Гриценко, в отличие от других рассмотренных авторов, отходит от чисто институционального и политического понимания процессов конструирования коллективной памяти и указывает на символическое пространство, в рамках которого она существует, и на граждан страны как на активных носителей структур памяти.

О. Гриценко выделил основные проблемы, которые отмечают современные исследователи исторической памяти Украины. Так, Я. Грицак говорит о проблеме «исторической амнезии», М. Рябчук обращается к вопросам «амнистии» советского прошлого, в числе многих Ю. Зерний отмечает раскол в исторической памяти на национальную и советскую версии, для Г. Касьянова основная проблема заключается в «анахроничной национализации истории» (Гриценко 2016).

Большинство рассмотренных работ представляют собой исторический обзор различных вариантов конструируемой политики памяти, формируемой исключительно властными структурами. Трансляция коллективной памяти через другие ее формы создания и институты распространения не рассматривается. Кроме того, дается лишь общий обзор генеральной идеи и цели, преследуемой каждым из президентов, при этом конкретные нарративы и шаблоны нарративов не анализируются. Не всегда ясной остается методология проведенных исследований. На использование контент-анализа законодательных актов В. Януковича и П. Порошенко указал в своем исследовании лишь А. Якубин, определивший своей целью анализ различия в восприятии и интерпретации событий Второй мировой / Великой Отечественной войны двух президентов Украины и соответственно различий в выстраиваемой ими политике памяти (Якубин 2016). Более того, большинство исследований рассматривает период 1991–2014 гг., упуская наиболее актуальные мнемонические процессы, запущенные в результате Крымской войны и конфликта на Донбассе.

Оценив существующий на сегодняшний день пласт исследований исторической памяти Украины, можно сказать, что представленная рабо-

та не противоречит основным выводам относительно идеологической ориентации политики памяти современной Украины. При этом она дополняет существующий обзор анализом конкретных шаблонов нарративов. Более того, представленное исследование не ограничивается рассмотрением исключительно политических мемориальных инициатив, а берет во внимание более широкое явление культурной памяти, в формирование которой включены также СМИ, академические сообщества и жители страны. Проведенный анализ фокусируется на периоде становления национальной коллективной памяти после 2014 г., что является необходимым для понимания самых актуальных мнемотических процессов. Представленная работа вносит значительный вклад в становление методологии исследования конструкторов коллективной памяти, которая позволила не фокусироваться на отдельных наиболее распространенных сюжетах, а рассмотреть материал шире и выделить применяемые схематические шаблоны нарратива, с помощью которых могут описываться различные периоды и события истории Украины.

Методология исследования

Проанализировав значительное количество эмпирических исследований, проводимых в рамках *memory studies*, мы пришли к выводу, что их можно разделить на два направления. Одна группа исследований посвящена анализу формирования коллективной памяти, другая — исследованиям ее восприятия.

К первой группе исследований относятся те, которые рассматривают официальные политические дискурсы, нарративы в СМИ, централизованно организованные коммеморации — праздники, установку памятников, открытие музеев. Таким образом, рассматривается процесс производства и трансляции структур памяти, направленных сверху. Здесь нам представляются наиболее релевантными такие методы, как контент-анализ, нарративный анализ, визуальный анализ, дискурс-анализ, кейс-стади, анализ документов и архивов.

Ко второй группе относятся исследования восприятия нарративов коллективной памяти, которые обращаются к воспринимающей аудитории, участникам группы-носителя памяти. Рассматриваются существующие и разделяемые группой структуры памяти и их содержание, степень восприятия официальных исторических нарративов, коллективные коммеморационные практики, оценка событий прошлого. В данном случае продуктивны такие методы, как опросы, интервью, метод психологического рисунка и метода ассоциаций.

В. Канштейнер выделяет три составляющие коллективной памяти, которые необходимо рассмотреть для осуществления ее полноценного анализа: культурные традиции, в рамках которых происходит формирование памяти, производителей структур коллективной памяти и их потребителей, которые могут как соглашаться с созданными структурами, так и отрицать их или вовсе игнорировать, основываясь на собственных ценностях и интересах (Канштайнер 2014). Автор призывает отказаться от упрощения в исследованиях коллективной памяти и простого отождествления восприятия с репрезентацией. В. Канштайнер указывает на значимость анализа в том числе и самого носителя памяти, особенно если речь идет об электронном носителе, так как он сам может оказывать влияние на процесс формирования и структуру коллективной памяти (Канштайнер 2014). Получить целостное представление о структуре коллективной памяти невозможно в ходе анализа лишь одной ее составляющей — производства или восприятия. Исследователю требуется одновременно рассматривать три элемента коллективной памяти группы: намерения и сообщения производителя — способы распространения — восприятие аудитории.

Несмотря на указанные положения, в ходе исследования было принято осознанное решение уделить внимание только формированию структур коллективной памяти Украины ввиду нескольких факторов. Во-первых, исследования восприятия нарративов группой входят в поле психологической научной традиции, требуют применения соответствующей методологии. В данной работе мы стремились ориентироваться на социологические теоретические и методологические подходы. Во-вторых, нас интересовали нарративы памяти, которые начали активно транслироваться после событий 2014 г. Временной отрезок существования подобных структур слишком мал для их полноценного восприятия/невосприятия группой и, следовательно, проведения анализа включенности данных нарративов в коллективную память нации. Вопросы восприятия исторических нарративов должны стать темой отдельного исследования. Таким образом, в рамках данной работы речь пойдет именно о формируемых различными участниками публичного дискурса структурах коллективной (культурной) памяти Украины, выраженных посредством схематических шаблонов исторических нарративов.

Оценив существующие методы исследования коллективной памяти, мы пришли к выводу, что наиболее продуктивным для анализа макроструктур коллективной памяти Украины является метод нарративного анализа. Для наиболее глубокого понимания формируемой коллективной памяти Украины нам представляется необходимым использование раз-

личных методик нарративного анализа и объединение ряда подходов. Была разработана авторская методика на основании сочетания структурного подхода К. Бурка, Дж. Верча и Т. Тереховой и структурно-событийного анализа Д. Хайзе.

Нарративный анализ позволяет исследователям рассматривать социальные отношения, находящие выражение в языковых практиках. Согласно Х. Алкеру, нарративный анализ может использоваться для достижения глубокого понимания исторических событий, которые транслируются в форме нарратива и могут представлять в качестве типических сюжетов, мифов, сказок и т.д. (Alker 1996). Анализу подвергаются структура сюжета, действующие лица, мотивы их поведения и происходящие ситуации, символические образцы взаимодействия в обществе, формирование и сохранение норм и образцов культуры. Дж. Брунер указывает на нарративный формат организации опыта и памяти о прошлом: людям свойственно создавать истории о произошедших событиях, выстраивать оправдания причинам действия или бездействия, сочинять мифологические сюжеты (Bruner 1991). Нарративные конструкции не претендуют на полную истинность, а достигают лишь определенного уровня «правдоподобия», в отличие от сюжетов, разработанных в процессе логических построений и научных исследований. В целом нарративные конструкции представляют собой версию реальности, принятие которой регулируется обычаем и потребностью в существовании нарратива, а не эмпирическим подтверждением или логическим объяснением.

Г. Розенвальд и Р. Охберг также указывают на то, что нарративы играют существенную роль в выстраивании идентичности группы-рассказчика, а не только позволяют рассказать истории о прошлом (Rosenwald, Ochberg 1992). Сам процесс отбора историй для рассказа оказывает влияние на то, каким видит себя рассказчик. Тот набор нарративов, который включается в структуру коллективной памяти, позволяет сформировать разделяемый образ общности, от лица которой ведется повествование о прошлом.

Дж. Верч проводит различие между «конкретными нарративами» и «схематическими шаблонами нарративов» (Wertsch 2008). Конкретные нарративы содержат в себе информацию о времени действия, описывают обстановку, содержат указание определенных дат и действующих лиц. Схематические шаблоны нарративов, напротив, представляют собой более обобщенные структуры, которые могут использоваться для разработки большого количества конкретных нарративов со сходным базовым сюжетом. Схематические шаблоны являются более абстрактной конструкцией, не предоставляющей конкретных деталей, а скорее устанавливающей

общую форму, которая может быть приложена к множеству событий. Подобные конструкции применяются для выражения какой-либо вечной или существенной истины о группе, установления ее идентичности.

Существует несколько подходов, с точки зрения которых можно рассматривать нарративы в структуре коллективной памяти группы.

Анализ структуры нарратива

Кеннет Бурк разработал «пятиугольную» модель нарратива, состоящую из агента, действия, обстановки, цели и применяемых средств (Burke 2018). Пропорциональное соотношение между элементами нарратива определяется культурной нормой. Нарушение данного соотношения ведет к слому конвенциональных ожиданий и появлению проблемы. Как правило, проблема становится движущей силой драмы, однако разрешение проблемы не является обязательным условием существования нарратива. Излагаемые посредством нарратива нормы не закреплены, они могут развиваться и изменяться в зависимости от актуальной на момент повествования общественной повестки и обстоятельств, в которых формируется нарратив.

Т. Терехова предлагает схему «простого» нарратива: состояние — событие — состояние (Терехова 2015). В качестве ключевого ядра рассказа выступает собственно «событие». Первичное состояние в схеме характеризуется как состояние равновесия, а происшествие «события» призвано вывести рассказчика из этого состояния. Вследствие «события» происходит трансформация состояния, выстраивается идентичность. Переход из первого состояния во второе через «событие» является своеобразной трансгрессией, которая придает структуру хаотичным событиям прошлого и встраивает их в упорядоченную культурную форму нарратива. Третья часть описанной автором структуры — состояние 2 — статично, но повествует о существовании рассказчика уже в новой форме или в новом качестве.

Анализ причинных связей нарратива

Процедура событийно-структурного анализа была предложена Д. Хайзе с целью исследования временной и причинной последовательности элементов нарратива (Черновская 2019). Цель событийно-структурного анализа можно определить как понимание смысла через интерпретацию. Текст рассматривается не как существующая все контекста конструкция, его смысл определяется через связь с предшествующими и последующими событиями. Благодаря методике, разработанной Д. Хайзе, открывается

возможность интерпретировать текст, используя заданный исторический и социальный контекст. В процессе событийно-структурного анализа исследователь реконструирует мир рассказчика/актера с целью определения его мотивов.

Стратегия исследования

В качестве материала исследования были выбраны три портала, наиболее соответствующие заявленному формату, тематике и привлекающие значительное количество посетителей. Среди анализируемых порталов «ЛІКБЕЗ. Историчний фронт» (<http://likbez.org.ua/ua/>), «Пам'ять Нації» (<http://memorua.org/>) и официальный сайт Украинского института национальной памяти («Український інститут національної пам'яті» <https://uinp.gov.ua>). «ЛІКБЕЗ» позиционирует себя как гражданский просветительский проект, существует с весны 2014 г. и «объединяет социальный актив украинских историков». В качестве цели своего существования проект заявляет «популяризацию истории Украины в разнообразнейших форматах, поскольку именно адекватное видение прошлого является основой украинской идентичности и залогом единства страны. Изначальной мотивацией для создания проекта стало информационное противодействие российской пропаганде, в которой историческая риторика занимает очень весомое место». В описании портала значится, что он единственный общенациональный проект по популяризации истории Украины. В качестве авторов материалов выступают более 50 профессиональных историков, а в работе проекта принимают участие гражданские активисты и волонтеры. Материалы на портале публикуются на трех языках: русском, украинском и английском, — однако полнота представления информации на них различается. Наиболее обширно и детально материалы представляются на украинском языке, поэтому мы рассмотрели именно их. «Пам'ять Нації» — масштабный проект, который, помимо публикаций на своем онлайн-портале и в СМИ, осуществляет очные встречи в различных городах Украины, проводит активистские и художественные проекты, в рамках проекта издаются книги и записываются выпуски «Исторического радио», однако в целях проведения исследования нас интересовали только материалы сайта. В качестве описания проекта на портале значится следующее: «“Пам'ять Нації” — это всеукраинская кампания, которая стартовала в 2016 г. Изначально это была инициатива ветеранов полка «Азов» и активистов Гражданского корпуса «Азов» по чествованию павших героев российско-украинской войны... “Пам'ять Нації” поддерживает гражданские инициативы по защите исторических памятников и выступает соорганизатором акций, направленных на отдание

почестей прошлому и заботу о будущем». Своей основной миссией проект видит объединение украинцев вокруг общего исторического прошлого. Третий рассмотренный источник — Украинский институт национальной памяти, в свою очередь, является официальным институтом, созданным при правлении В. Ющенко, однако утвердивший свой новый статус в 2014 г. постановлением премьер-министра Украины А. Яценюка. Он является центральным органом исполнительной власти, деятельность которого направляется и координируется Кабинетом министров Украины через Министерство культуры и призван исполнять государственную политику в сфере «обновления и сохранения национальной памяти украинского народа». Среди основных задач института значится «организация всестороннего изучения истории создания украинской государственности, этапов борьбы за возобновление государственности и распространение соответствующей информации в Украине и мире», увековечивание памяти участников освободительного движения Украины, участников украинской революции 1917–1921 гг., войн, «жертв Голодомора 1932–1933 годов, массового голода 1921–1923, 1946–1947 годов и политических репрессий», борцов защиты независимости, суверенитета и территориальной целостности Украины. Кроме того, институт занимается исследованием исторического наследия, популяризацией истории, формированием предложений Министерству культуры о государственной политике в сфере обновления и сохранения национальной памяти, «популяризации в мире роли украинского народа в борьбе против тоталитаризма, отстаивании прав и свобод человека». В качестве отдельной задачи выделяется формирование патриотизма, национального сознания и активной гражданской позиции. В качестве материалов исследования были использованы публикации, размещенные на сайте УИНП в разделе «Пресс-центр».

Этапы проведения исследования

1. Первый этап исследования (по Е. Ярской-Смирновой) заключался в отборе материала (Ярская-Смирнова 1997). Из массива текстов статей, интервью и видеолекций, представленных на порталах, были отобраны те материалы, которые содержат в себе все элементы структуры нарратива. Соответственно, согласно подходу К. Бурка, дальнейшему анализу подлежали тексты, в которых присутствуют «агенты», «действия», «цели», «обстановка» и «применяемые средства». Стоит отметить, что нас интересовали исключительно нарративы, которые, по классификации Е. Ярской-Смирновой, относятся к типу сосредоточенных вокруг определенной темы, описывающих события прошлого. Таким образом, нарративы обыденного и гипотетического типа были исключены из анализа, так

как в большинстве случаев они не выполняют задачу конструирования и трансляции коллективной памяти группы.

2. На втором этапе мы выявляли конкретного или абстрактного автора нарратива, а также реального или воображаемого слушателя. Это позволило очертить круг возможностей и ограничений нарратива, а также выявить самоидентификацию нарратора. Кроме того, анализу подлежал социальный, исторический и временной контекст, в котором создается нарратив.

3. Третьей ступенью анализа, определяемой Е. Ярской-Смирновой, является письменная фиксация текста (Ярская-Смирнова 1997). На данном этапе был произведен перевод с украинского на русский язык, учитывая максимальное стремление сохранить стилистические и эмоциональные коннотации. При разборе видеолекций первоначально была осуществлена расшифровка устного текста.

4. Четвертый уровень исследования представляет собой непосредственный анализ зафиксированного материала. На данном этапе первоначальной задачей являлось определение структуры нарратива. С этой целью был использован подход К. Бурка и Т. Тереховой. Применение подхода К. Бурка к анализу структуры нарратива позволяет описать пять основных составляющих нарратива, вписанных в культурный контекст. Подход Т. Тереховой указывает на транзисии группы, в данном случае украинской нации, от своего изначального состояния через драматический переломный момент к новому состоянию, определяющему идентичность данной группы. Анализ интерпретации исторических событий через призму подходов Бурка и Тереховой позволил оценить роли, с которыми ассоциирует себя Украина, ценностные ориентации группы и место, которое отводится описанным историческим событиям в общей структуре коллективной памяти.

Выявленные элементы структуры нарратива были представлены в виде каузальной схемы, что дало возможность проследить взаимосвязь между ними и перейти к следующему этапу анализа — определению за явными высказываниями заложенного смысла. С этой целью был использован событийно-структурный анализ Д. Хайзе. Он позволил определить мотивы рассказчика и цель конструирования конкретных нарративов. Мы опирались на концепцию Дж. Брунера, согласно которой именно выявление намерения нарратива представляет главную задачу нарративного анализа.

5. Пятым и заключительным этапом исследования стало обобщение материала и выявление схематических нарративных шаблонов (по Дж. Верчу), определяющих составные элементы коллективной памяти Украины, представленные в украинских просветительских онлайн-проектах.

В ходе исследования было обработано 162 текстовых материала (статьи, интервью, короткие заметки, ответы на вопросы) различного объема от 500 до 20 000+ знаков и 17 видеоматериалов (новостные сюжеты, интервью, видеолекции, передачи) длительностью от 90 минут до 2 часов, размещенные на порталах «ЛІКБЕЗ. Історичний фронт», «Пам'ять Нації» и официальном сайте Украинского института национальной памяти. Среди проанализированных материалов удалось выделить 27 нарративов, соответствующих указанным ранее индикаторам нарратива (по Бурку и Ярской-Смирновой), и семь сюжетных элементов. С помощью проведенного анализа удалось выявить четыре основных схематических шаблона нарративов, которые объединяют конкретные сюжеты со сходным базовым мотивом и определяют идентичность группы. Это позволило выявить макроструктуры коллективной памяти Украины, актуализация которой была запущена после событий конца 2013 — начала 2014 г.: «Украина как жертва», «Украина как отдельное самобытное государство», «Украина как героический боец» и «Украина как часть Европы».

Результаты исследования

Украина как жертва

Макроструктура «Украина как жертва» может быть раскрыта в единой каузальной схеме, по которой разворачиваются различные сюжеты. В отдельных сюжетах необязательно присутствуют все компоненты схемы, однако все они следуют представленной логике. Как правило, в сюжетах типа «Украина как жертва» присутствует два Агрессора, но случаются и исключения, когда Жертва терпит убытки только от одного Агрессора. Надо отметить, что каузальная схема может различаться последним элементом (финальным состоянием) в зависимости от позиции Жертвы (более активной или менее активной).

Общая каузальная схема

(при пассивной позиции жертвы)

Агрессор 1 нападает на Жертву → Жертва идет на переговоры с Агрессором, которые не заканчиваются успехом → Агрессор посягает на интересы Жертвы → Ложный союзник дает обещание помощи Жертве → Ложный союзник преследует свои интересы, обманывает Жертву → Ложный союзник объединяется в союз с Агрессором 1 → Агрессоры 1 и Агрессор 2 причиняют вред Жертве → Жертва терпит убытки...

При активной позиции Жертвы добавляется:

→ *Жертва находит помощь у нового Союзника* → *Жертва противостоит Агрессору и частично сохраняет свою целостность.*

Для выявления структуры коллективной памяти Украины были рассмотрены сюжеты, относящиеся к различным историческим эпохам, начиная от Киевской Руси и заканчивая последними событиями 2013–2019 гг. (Революции Достоинства, вхождения Крыма в состав России, конфликта на Донбассе). Таким образом, в роли Жертвы выступали различные геополитические структуры, которые в своей совокупности могут быть символически определены как «Украина». В качестве «Украины» называются украинские земли Киевской Руси, Запорожская Сечь, Украинская держава Скоропадского, УНР, УССР, Украинская автокефальная православная церковь, Западная Украина, Карпатская Сечь; украинская культура, украинская территория, украинское общество. В роли Агрессора чаще всего выступали геополитические структуры, которые обладают статусом преемника современной России (Московская держава, Россия/Кремль, красный террор, белый террор, РСФСР, сталинский режим, Советский Союз); кроме того, в некоторых сюжетах роль Агрессора отводится Крымскому ханству, Польше, фашистской Германии. Стоит отметить, что в большинстве случаев «Россия» играет не чистую роль Агрессора, в ходе нарратива происходит транзикация, в рамках которой изначально «Россия» позиционируется в качестве помощника (роль Ложного союзника), который дает «Украине» обещание содействия, но не выполняет его, преследуя собственные интересы (как правило, по расширению влияния, власти или территории). Начав преследовать собственную выгоду, «Россия» перенимает роль Агрессора. Роли Союзника появляются только в случае более активной позиции Жертвы. Их выполняют европейские страны, что указывает на европейскую ориентацию современной Украины, которая более явно проявляется в макроструктуре, описанной далее. В исследованных сюжетах Союзниками выступали Швеция, Румыния, Бранденбург.

Наиболее распространенными *целями* Агрессора представляется расширение своей власти, получение тотального контроля над территориями Украины. Частым сюжетом нарративов является притеснение Агрессором «украинского национального», попытки запретить использование украинского языка, проявления украинской культуры, т.е. покушения на саму украинскую идентичность. В некоторых случаях агрессия представляется как не имеющая прямой цели, направленная просто на устрашение и подавление, что формирует образ Агрессора как еще более жестокий.

Цели и действия Ложного союзника демонстрируются как стремление предоставить временное облегчение, помощь или «поблажку» Украине,

но имея в виду при этом собственные цели. Ложный союзник стремится склонить Украину на свою сторону, чтобы в дальнейшем, завладев ее доверием, произвести акт агрессии.

Рассмотренными сюжетами, в которых раскрывалась указанная макроструктура стали следующие:

1. Экспансия Крымского ханства в XV в.
2. Переяславский договор между Россией и Богданом Хмельницким.
3. Террор Белой и Красной армии, учиненный на территории Украины.
4. Притеснение украинского языка в 1919 г.
5. Взаимоотношения РСФСР и Украинской державы гетмана Скоропадского после подписания Брестского договора;
6. Репрессии Советского режима на Украине в 1937 г.
7. Голодомор.
8. Украина как «жертвы двух режимов» во время Второй мировой войны.
9. Притеснения Украинской автокефальной православной церкви.

Украина как отдельное самобытное государство

Макроструктура «Украина как отдельное самобытное государство» стремится сформировать образ страны, имеющей давнюю историю, четко осознающую свою общность и целостность, во многом основывающуюся на принципах и ведущую историю своей государственности от Запорожской Сечи, при этом являющуюся легитимным преемником наследия Киевской Руси. В рамках данной макроструктуры «самобытность», «отдельность» и значимость Украины демонстрируются двумя способами: 1) формированием собственной идентичности через отстройку от антагониста (России), демонстрацию «своего пути», отличающегося от идей и ценностей пути российского; 2) демонстрацией признания Украины внешними сторонами (иностранными государствами) как сильной и самостоятельной державы, значимого игрока на международной арене.

Общая каузальная схема

Антагонист увеличивает свое влияние → Антагонист претендует на ресурсы/ символический капитал Главного героя (Украины) → Главный герой попадает под контроль Антагониста → Главный герой дает отпор Агрессору/Антагонисту → Главный герой доказывает свою самобытность → Главный герой вступает в союз с Союзником для противостояния Агрессору.

В каждом из сюжетов могут присутствовать не все элементы схемы, в некоторых и вовсе присутствует только один ключевой элемент — «Главный герой доказывает свою самобытность».

Основными *ролями* данной макроструктуры являются роль Антагониста, Соседа/Идентификатора, Агрессора, встречаются также роли Ложного союзника и Союзника. Украина в данном случае играет роль Главного героя, независимой самобытной державы. Антагонистом Украины выступает Россия в широком смысле, как правило, противостояние Антагониста и Главного героя заключается в притязаниях на символический капитал (право преемства наследия Киевской Руси, право называться «исконной Русью»). Обладание данным капиталом позволяет Акторм показывать исторический континуум своего государственного развития, заявить о своей давности и значимости. В ходе нарратива происходит противопоставление развития Украины и Антагониста (России) в пользу Украины. Сравняется не только путь исторического развития, но и определявшие его ценности: Украина позиционируется как свободная и демократическая, Россия — как имперская и великодержавная. Такие ценности Украина приписывает себе за счет демонстрации преемственности идеолов запорожских казаков («казак — свободный человек»). Соседи/Идентификаторы в рассмотренных нарративах предстают в лице неназванных «соседей», Французской и Британской миссии, Крымского ханства. Соседи/Идентификаторы выполняют функцию признания Украины как самостоятельного государства, подтверждения ее международного веса и значимости. Агрессорами выступают Речь Посполитая (Польша), Турция (Стамбул), Россия (Российская империя, советская власть). Агрессоры претендуют на территорию и иные ресурсы Украины, тем самым еще раз подчеркивая ее ценность, формируя образ «объекта желаний». Роль Ложного союзника, совершающего транзигцию в роль Агрессора, как и в описанной выше макроструктуре, играет «Россия». Ложный союзник дает обещания помощи Украине, которые впоследствии не выполняет ради достижения своих целей. Союзником выступают центральные державы, что в очередной раз показывает Европу как надежного союзника для Украины.

Целью нарративов данной группы является формирование образа Украины как единого и цельного государственного образования, где украинская нация составляет этническое большинство.

Макроструктура «Украина как отдельное самобытное государство» раскрывается в следующих проанализированных *сюжетах*:

— Дискуссия о давности России и Украины и праве наследования исторического наследия Киевской Руси.

- Проведение различия между названиями «Русь» и «Россия», право называться «исконной Русью».
- Появление и значение названия народов «украинцы», формирование идентичности свободного народа.
- Становление государства под руководством Богдана Хмельницкого.
- Суверенный путь УНР, признание его как отдельного государства на международной арене.
- История становления украинской независимости в начале XX в.
- Формирование границ Донбасса.
- История взаимодействия Украины и Крыма.

Украина как героический боец

Представленная макроструктура формирует идентичность Украины как бойца-героя, смело защищающего интересы, целостность и независимость своей страны. Во всех нарративах данного типа Герой действует в условиях превосходящей силы противника, что делает борьбу еще более опасной. Несмотря на трудности и препятствия, Украина бесстрашно идет в бой. Если в первых представленных примерах Украина как Герой-боец защищает в первую очередь свои интересы, то в других она представляется еще и как Защитник других (крестьянства всего Советского Союза, Европы, молодежи). Особенно подчеркивается поддержка всего народа, борьба как отражение народного единства, наличие общей цели. Основной причиной борьбы является стремление к получению или защита собственной независимости. В рамках данной макроструктуры борьба героя не всегда заканчивается победой над противником, часто в рассмотренных нарративах герой терпит поражение. Однако поражение репрезентируется не как финальная точка, а как ориентация на будущее, значимый вклад в продолжение борьбы.

Общая каузальная схема

В этой макроструктуре представлено несколько вариантов каузальных схем, описывающих первоначальное состояние Героя.

1. Герой состоит в договорных отношениях с Властителем → Властитель нарушает договор → Герой объединяется с Союзником для получения помощи → Герой встает на защиту своих интересов →

2. Герой восстает против Противника → Герой получает независимость →

Центральным событием нарратива всегда является следующее:

Герой находится в сложной и опасной ситуации → Герой преодолевает сложности и оказывает сопротивление Противнику →

Финальное состояние Героя тоже представляется по-разному. Однако и в случае поражения оно подается как не напрасное, делающее значимый позитивный вклад в будущее.

1. → *Герой побеждает противника, пользуясь поддержкой всего общества*

2. → *Герой спасает других*

3. → *Герой терпит лишения, но сохраняет свою целостность*

4. → *Герой терпит поражение, но делает вклад в будущую борьбу.*

Украина, как было показано ранее, играет роль Героя-бойца. Ее символическими отражениями в нарративах выступает страна в целом, украинская армия, украинское крестьянство или отдельные личности — Иван Мазепа и Михаил Дяченко, которые наделяются характеристиками и ценностями всего украинского народа, становятся «символами освободительной борьбы». Функции, которые выполняет Герой-боец: находясь в состоянии лишения, преодолевая препятствия, оказывает сопротивление Противнику, борется за свою независимость; защищает и спасает других. Другие *роли*, раскрытые в нарративах этого типа, — Властитель, Противник (Противник/Притеснитель), Союзник. В качестве Властителя представлен Петр I, играющий также роль Противника, который нарушает существующие договоренности в стремлении достичь собственных целей. Противниками выступают Польша, советская власть (Сталин), памятники советской эпохи (в качестве символического Противника), «два тоталитарных режима» (Сталин и Гитлер). Противник стремится завоевать территории и ресурсы Украины, притесняет проявления всего «украинского национального». Союзником представлен Карл XII, который оказывает помощь Украине в борьбе с Властителем/Противником.

У нарративов, входящих в данную макроструктуру, есть несколько *целей* с точки зрения выстраивания коллективной памяти Украины. Во-первых, сформировать идентичность Украины как Героя-бойца, который смело дает отпор опасному противнику, даже находясь на более слабых позициях. Во-вторых, продемонстрировать единство нации в борьбе за независимость, поддержку народа, оказываемую бойцу. В-третьих, показать Украину как защитницу не только своих интересов, но и жителей других государств, страдающих от единого с ней притеснителя. И, в конце концов, через борьбу показать разрыв с прошлым и утверждение новых ценностей.

Рассмотренные *сюжеты*:

- Роль Ивана Мазепы в коллективной исторической памяти украинцев.
- Борьба с Польшей за владение Львовом.
- Создание собственной армии в условиях приобретенной независимости.
- Процессы украинизации и политика голодомора.

- Процесс декоммунизации, «ленинопад».
- Идеолог УПА Михаил Дяченко.
- Положение Украины во время Второй мировой войны, сопротивление двум тоталитарным режимам.

Украина как часть Европы

Данная макроструктура отличается от представленных ранее своим объемом и степенью разработанности. Несмотря на то что смысловая идея «Украина как часть Европы» четко прослеживается в рассмотренных материалах, ей пока не удалось реализоваться в виде проработанных нарративов в рамках рассматриваемого материала. Идея о европейской ориентации Украины скорее встраивается в рамки других нарративов, где Европейские державы позиционируются как добрые и справедливые союзники. Кроме того, идеологическое включение Украины в состав Европы прослеживается в отдельных используемых фразах и словосочетаниях. Демонстрируется разделение Украиной европейских ценностей, использование европейских коммеморативных практик.

Можно сделать вывод о том, что на данный момент в рамках макроструктуры существуют лишь фрагменты нарративов, в которых не выявлены пять составных позиций. Полноценный схематический шаблон нарратива «Украина как часть Европы» еще не установился, не наполнен всеми составными частями структуры. Но стремление к его оформлению ярко проявляется в коммуникационных конструкциях, используемых в текстах. Это можно объяснить относительной новизной европейской ориентации Украины. Прошел слишком небольшой срок с момента социальной актуализации этой новой для Украины макроструктуры, которая пока не смогла закрепиться в качестве устоявшегося нарратива.

В связи с этим удалось выявить три полноценных нарратива и семь отдельных сюжетных элементов.

Главными участниками нарративов, существующих в рамках макроструктуры «Украина как часть Европы», являются Европейские страны (в основном Польша, Германия, Франция и Австро-Венгрия) и Украина.

Украина выполняет несколько функций и ролей, совокупность которых позволяет ей идентифицировать себя как «часть Европы». Она выступает как значимый и равноправный участник европейского процесса, носитель демократических европейских ценностей, восходящих еще к традиции Запорожской Сечи, носитель единых символических коннотаций и коммеморативных практик с Европой и даже как защитник Европы. Роль Европы, в свою очередь, во многом объясняется через ее противопоставление роли России (советской власти). Как указывалось ранее, Россия

часто выступает в роли Агрессора или Ложного союзника, в то время как помощь всегда приходит со стороны доброго и благородного союзника — Европы. Украина стремится в своей коллективной памяти произвести отстройку от советской части истории, указывая на свою «причастность» европейскому миру. Таким образом, Европа представляется в роли доброго лояльного союзника, защитника от общего врага, носителя традиций и ценностей, которые разделяет или перенимает Украина. Некоторые европейские страны, в частности Польша, позиционируются как находящиеся в состоянии «братства и единства» Украине. Провозглашается призыв «примириться и объединиться» с польским народом.

Общей *целью* проанализированных нарративов является стремление сконструировать образ Украины как равного союзника Европы и его правомерной составной части, а образ Европы как благожелательного союзника, готового принять Украину в свой состав. Подобные интерпретации служат легитимизации европейской ориентации Украины.

Рассмотренные *нарративы*:

- Внедрение традиций рыцарства в Средневековой Украине-Руси.
- Брак дочери киевского князя с французским королем.
- Активное участие средневековой Украины-Руси в политической жизни Европы.
- Брест-Литовский договор, противопоставления отношения к Украине России и Европы.

Рассмотренные *сюжетные элементы*:

- Возникновение и существование НТШ (Научного общества им. Шевченко).
- Декоммунизация.
- Акция в честь памяти жертв трагедии в селе Сагрынь.
- Демократические ценности Запорожской Сечи.
- Противостояние с Польшей за Львов.
- Практики коммеморации Второй мировой войны.
- Деколонизация.

Заключение

Рассмотренные нарративы созданы в контексте постмайданной Украины, столкнувшейся с необходимостью укреплять собственную идентичность, искать идеологических союзников и противостоять недоброжелательным намерениям соседнего государства.

Благодаря проведенному анализу удалось обозначить структуру формируемой коллективной памяти Украины, трансляция нарративных структур которой была запущена после событий конца 2013 — начала

2014 г. Коллективная память Украины базируется на четырех ключевых схематических шаблонах нарратива: «Украина как жертва», «Украина как отдельное самобытное государство», «Украина как героический борец» и «Украина как часть Европы».

Формируемая коллективная память Украины служит легитимизации нового украинского правительства, стремится создать ощущение единства исторического континуума и чувства идентичности среди украинской нации, а также обосновать выбранный курс политического развития, нацеленный на интеграцию с Европой.

Выявленные нарративы (27) и сюжетные элементы (7) количественно распределены следующим образом:

Украина как жертва	9 нарративов
Украина как отдельное самобытное государство	8 нарративов
Украина как героический боец	7 нарративов
Украина как часть Европы	3 нарратива + 7 сюжетных элементов

Исследование позволяет сделать следующие выводы.

Выявление четырех макроструктур коллективной памяти и демонстрация их частичной взаимодополняемости и взаимозаменяемости позволяет говорить, что в коллективном сознании современной Украины сложился определенный набор возможных культурно-исторически обусловленных паттернов коллективной памяти. Каждый из этих паттернов может быть со временем востребован и актуализирован в зависимости от определенной социальной и исторической ситуации.

Схематические шаблоны нарративов представлены неравномерно. Так, структура «Украины как часть Европы» на данный момент не настолько закреплена и проработана как остальные, что позволяет говорить о желаемой, но недостаточной «укорененности» идеи европейской интеграции в сознании украинцев на сегодняшний день.

Кроме того, в ходе исследования были отмечены исторические сюжеты, которые позиционируются как наиболее значимые в истории нации, и являются точками-фиксаторами коллективной памяти:

- дискуссия о давности России и Украины и праве наследования исторического наследия Киевской Руси;
- проведение различия между названиями «Русь» и «Россия», право называться «исконной Русью»;
- появление и значение названия народов «украинцы», формирование идентичности свободного народа;

- брак дочери киевского князя с французским королем, активное участие Средневековой Украины-Руси в политической жизни Европы;
- экспансия Крымского ханства в XV в.;
- роль Ивана Мазепы в коллективной исторической памяти украинцев, демократические ценности Запорожской Сечи;
- Переяславский договор между Россией и Богданом Хмельницким;
- становление государства под руководством Богдана Хмельницкого;
- суверенный путь УНР, признание его как отдельного государства на международной арене;
- история становления украинской независимости в начале XX в.;
- создание собственной армии в условиях приобретенной независимости;
- борьба с Польшей за владение Львовом;
- террор Белой и Красной армии, учиненный на территории Украины;
- притеснение украинского языка в 1919 г.;
- взаимоотношения РСФСР и Украинской державы гетмана Скоропадского после подписания Брестского договора;
- Брест-Литовский договор, противопоставление отношения к Украине России и Европы;
- репрессии советского режима на Украине в 1937 г.;
- голодомор;
- процессы украинизации и политика голодомора;
- Украина как «жертвы двух режимов» во время Второй мировой войны;
- положение Украины во время Второй мировой войны, сопротивление двум тоталитарным режимам;
- притеснения Украинской автокефальной православной церкви;
- формирование границ Донбасса;
- история взаимодействия Украины и Крыма;
- практики коммеморации Второй мировой войны;
- процесс декоммунизации, «ленинопад»;
- деколонизация.

Литература

Грицак Я. (2019) *Нарис історії України: формування української модерної нації XIX–XX століття*. Київ: Yakaboo Publishing.

Гриценко О. (2014) *Пам'ять місцевого виробництва*. Київ: К.І.С.

Гриценко О. (2016) Хроніка боротьби з національною пам'яттю (про статтю Г.Касьянова). Частина 1. *Historians* [<http://www.historians.in.ua/index.php/en/dyskusiya/1790-oleksandr-hrytsenko-khronika-borotby-z-natsionalnoiu-pam-iattiu-pro-stattiu-h-kasianova-chasty-na-1>] (дата обращения: 28.08.2020).

Дюркгейм Э. (2018) *Элементарные формы религиозной жизни. Тотемическая система в Австралии*. М.: Дело.

Зерній Ю. (2007) Исторична пам'ять як об'єкт державної політики. *Стратегічні пріоритети*, 1(2): 71–76.

Касьянов Г. (2016) Историческая политика и «мемориальные» законы в Украине: начало XXI в. *Историческая экспертиза*, 2: 28–57.

Касьянов Г. (2016) К десятилетию Украинского института национальной памяти (2006–2016). *Historians* [<http://www.historians.in.ua/index.php/en/dyskusiya/1755-georgij-kas-yanov-k-desyatiletiju-ukrainskogo-institutu-natsionalnoj-pamyati-2006-2016>] (дата обращения: 26.08.2020).

Канштайнер В. (2014) Поиск смысла в воспоминаниях: методологическая критика исследований коллективной памяти. *Уроки истории XX век*. [<https://urokiistorii.ru/article/52227>] (дата обращения: 18.11.2018).

Карнишин В. (2019) Историческая память в интерпретациях украинских историков. *Известия высших учебных заведений. Поволжский регион*, 2: 100–107.

Киридон А. (2015) Політика пам'яті в Україні (1991–2015 рр.). *Україна-Європа-Світ. Міжнародний збірник наукових праць*, 15: 244–250.

Нора П. (1999) *Франция — память*. СПб.: Изд-во СПбГУ.

Портнов А. (2013) Украинские дискуссии об истории: между политикой, памятью и самоидентификацией. *Неприкосновенный запас*, 2: 236–248.

Пам'ять Нації (2019) *Пам'ять Нації* [<http://memo.ua.org>] (дата обращения: 01.11.2019).

Рябчук М. (2003) *Дві України: реальні межі, віртуальні війни*. Київ: Критика.

Терехова Т. (2015) Нарративный анализ как понимающий метод. *Гуманитарный вектор*, 1(41): 143–152.

Український інститут національної пам'яті (2019) *Український інститут національної пам'яті* [<https://uinp.gov.ua>] (дата обращения: 11.11.2019).

Хальбвакс М. (2007) *Социальные рамки памяти*. М.: Новое издательство.

Черновская М. (2019) Методики исследования структуры нарратива как отражения социокультурной реальности. Гарбар И. (ред.) *Сборник материалов X международной научно-практической конференции «Перевод. Язык. Культура»*. СПб.: Ленинградский гос. ун-т им. А. С. Пушкина: 225–234.

Якубін О. (2016) Страсті за війною: колективна пам'ять в Україні (2010-і роки). *Спільне*, 10: 159–166.

Ярская-Смирнова Е. (1997) Нарративный анализ в социологии. *Социологический журнал*, 3: 38–61.

Alker H. (1996) Beneath Tit-for-Tat: the contest of political economy fairy tales within SPD protocols. In: Alker H. (ed.) *Rediscoveries and reformulations. Humanistic methodologies for international studies*. Cambridge: Cambridge University Press: 303–332.

Assmann A. (2011) *Cultural Memory and Western Civilization: Functions, Media, Archives*. Cambridge: Cambridge University Press.

- Assmann J. (2012) *Cultural Memory and Early Civilization: Writing, Remembrance and Political Imagination*. Cambridge: Cambridge University Press.
- Bruner J. (1991) The Narrative Construction of Reality. *Critical Inquiry*, 18(1): 2–21.
- Burke K. (2018) *A Grammar of Motives*. Berkeley: University of California Press.
- Erl A. (2011) *Memory in Culture*. L.: Palgrave Macmillan.
- Halbwachs M. (1992) *On Collective Memory*. Chicago: The University of Chicago Press.
- ЛИКБЕЗ. Историчний фронт (2019) [<http://likbez.org.ua/ua>] (дата обращения: 05.11.2019).
- Harth D. (2008) The invention of cultural memory. In: Erl A., Nunning A. (eds.). *Cultural Memory Studies: An International and Interdisciplinary Handbook*. Berlin: de Gruyter: 85–97.
- Megill A. (1998) History, memory, identity. *History of the human sciences*, 11(3): 37–62.
- Meyer E. (2008) Memory and politics. In: Erl A., Nunning A. (eds.) *Cultural Memory Studies: An International and Interdisciplinary Handbook*. Berlin: de Gruyter: 173–181.
- Lowenthal D. (1998) *The heritage crusade and the spoils of history*. Cambridge: Cambridge University Press.
- Popular Memory Group. (2011) Popular memory: theory, politics, method. In: Olick J. (ed.) *The Collective Memory Reader*. Oxford: Oxford University Press: 254–261.
- Rosenwald G., Ochberg R. (1992) *Storied Lives: The Cultural Politics of Self-understanding*. Cambridge: Yale University Press.
- Wertsch J. (2008) Collective Memory and Narrative Templates. *Social Research*, 75(1): 133–156.
- Zierold M. (2008) Memory and media cultures. In: Erl A., Nunning A. (eds.) *Cultural Memory Studies: An International and Interdisciplinary Handbook*. Berlin: de Gruyter: 399–409.

NARRATIVE MACROSTRUCTURES OF UKRAINE
COLLECTIVE MEMORY*Aleksandra Nechaeva* (a.nechaeva@spbu.ru)Saint Petersburg University,
Saint Petersburg, Russia

Citation: Nechaeva A. (2020) Narrativnyye makrostruktury v kollektivnoy pamyati Ukrainy [Narrative macrostructures of Ukraine collective memory]. *Zhurnal sotsiologii i sotsialnoy antropologii* [The Journal of Sociology and Social Anthropology], 23(4): 103–135 (in Russian). <https://doi.org/10.31119/jssa.2020.23.4.4>

Abstract. The moments of societal unrest and rebuilding of the customary lifestyle call to the activation of mnemonic processes of the identity building in a community. The amplification of such processes in Ukraine began at the end of 2013 — beginning of 2014; under the circumstances of the changing geopolitical situation, the production and dissemination of collective memory became more and more visible. We made an attempt to discover the macrostructures of the collective memory of Ukraine transmitted in the form of narratives that had been forming in Ukrainian online-portals since 2014. The theoretical background of this work lies in the field of Memory Studies and the study of narratives. The method of narrative analysis has served as a methodological basis of the presented article, as it allows to study social relations expressed through language practices and pay tribute to the processual nature of historical events. An innovative approach to discovering and describing narrative macrostructures of collective memory has been developed based on the synthesis of K. Burke's, W. Wertsch's, T. Terekhova's methodologies and structure-event analysis of D. Heize. Textual articles and commentary pieces as well as videos placed on Ukrainian websites "LIKBEZ. Istorychnyy front", "Pam'yat' Natsiyi" and the official website of Ukrainian Institute of national memory served as the study material for the presented research. The selected websites correspond to the declared subject and attract a considerable number of visitors. As a result of conducted research, 4 narrative macrostructures of collective memory of contemporary Ukraine were discovered and characterized, moreover, their correlation with each other was shown. Among the presented macrostructures are the following: "Ukraine as a victim", "Ukraine as a separate distinctive state", "Ukraine as a heroic fighter", "Ukraine as a part of Europe".

Keywords: narrative analysis, schematic narrative templates, collective memory, collective memory macrostructures, identity, Ukraine.

References

Alker H. (1996) Beneath Tit-for-Tat: the contest of political economy fairy tales within SPD protocols. In: Alker H. (ed.) *Rediscoveries and reformulations. Humanistic methodologies for international studies*. Cambridge: Cambridge University Press: 303–332.

Assmann A. (2011) *Cultural Memory and Western Civilization: Functions, Media, Archives*. Cambridge: Cambridge University Press.

Assmann J. (2012) *Cultural Memory and Early Civilization: Writing, Remembrance and Political Imagination*. Cambridge: Cambridge University Press.

Bruner J. (1991) The Narrative Construction of Reality. *Critical Inquiry*, 18(1): 2–21.

Burke K. (2018) *A Grammar of Motives*. Berkeley: University of California Press.

Chernovskaya M. (2019) Metodiki issledovaniya struktury narrativa kak otrazheniya sotsiokul'turnoy real'nosti [Research methodology of studying the structure of a narrative as a depiction of socio-cultural reality]. In: Garbar I. (ed.) *Sbornik materialov X mezhdunarodnoy nauchno-prakticheskoy konferentsii «Perevod. Yazyk. Kul'tura»* [Materials of the 10th international scientific-practical conference “Translation. Language. Culture”]. St. Petersburg: A. S. Pushkin Leningrad State University: 225–234 (in Russian).

Durkheim E. (2018) *Elementarnye formy religioznoi zhizni. Totemicheskaya sistema v Avstralii* [Elementary forms of religious life. Totem system in Australia]. Moscow: Delo (in Russian).

Erl A. (2011) *Memory in Culture*. London: Palgrave Macmillan.

Halbwachs M. (1992) *On Collective Memory*. Chicago: The University of Chicago Press.

ЛКБЕЗ. *Историчний фронт* (2019) [<http://likbez.org.ua/ua>] (accessed: 05.11.2019).

Halbwachs M. (2007) *Sotsialnye ramki pamyati* [Social frameworks of memory]. Moscow: Novoe izdatelstvo (in Russian).

Harth D. (2008) The invention of cultural memory. In: Erl A., Nunning A. (eds.) *Cultural Memory Studies: An International and Interdisciplinary Handbook*. Berlin: de Gruyter: 85–97.

Hritsak Ya. (2019) *Narys istoriyi Ukrayivy: formuvannya modernoyi natsiyi XIX–XX stolittya* [The picture of Ukrainian history: formation of a modern nation of the 19–20 centuries]. Kyiv: Yakaboo Publishing (in Ukrainian).

Hritsenko O. (2014) *Pam'yat mistseвого vyrobnytstva* [The memory of local production]. Kyiv: K.I.C (in Ukrainian).

Hritsenko O. (2016) Khronika borot'by z natsionalnoyu pam'yattyu (pro stattyu H. Kasyanova). Chastyna 1. [The chronicle of fighting national memory (about H. Kas'yanov article). Part 1. *Historians* [<http://www.historians.in.ua/index.php/en/dyskusiya/1790-oleksandr-hrytsenko-khronika-borotby-z-natsionalnoiu-pam-iattiu-pro-stattiu-h-kasianova-chastyna-1>] (accessed: 28.08.2020) (in Ukrainian).

Kansteiner W. (2014) Poisk smysla v vospominaniyakh: metodologicheskaya kritika issledovani kollektivnoi pamyati [Finding meaning in memory: a methodological critique of collective memory studies]. *Uroki istorii XX vek* [History lessons 20th century] [<https://urokiistorii.ru/article/52227>] (accessed: 18.11.2018) (in Ukrainian).

Karnishin V. (2019) Istoricheskaya pamyat v interpretatsiyah ukrainskih istorikov [Historical memory in the interpretations of Ukrainian historians] *Izvestiya visshikh uchebnykh zavedenii. Povolzhskii region* [Higher educational institutions news. Povolzhsk region], 2: 100–107 (in Russian).

Kasyanov H. (2016) Istoricheskaya politika i “memorialnye” zakony v Ukraine: nachalo XXI v. [Historical politics and “memorial” laws in Ukraine: the beginning of 21 ct.]. *Istoricheskaya ekspertiza* [Historical expertise], 2: 28–57 (in Russian).

Kasyanov H. (2016) K desyatiletiyu Ukrainського instituta natsionalnoi pamyati (2006–2016) [To the tenth anniversary of the Ukrainian institute on national memory (2006–2016)]. *Historians* [<http://www.historians.in.ua/index.php/en/dyskusiya/1755-georgij-kas-yanov-k-desyatiletiyu-ukrainskogo-institutu-natsional-noj-pamyati-2006-2016>] (accessed: 26.08.2020) (in Ukrainian).

Kiridon A. (2015) Polityka pam'yati v Ukrayini (1991–2015 rr.) [Memory politics in Ukraine (1991–2015)]. *Ukrayina-Evropa-Svit. Mizhnarodnyi zbirnyk naukovykh prats'* [International digest of scientific works], 15: 244–250 (in Ukrainian).

Lowenthal D. (1998) *The heritage crusade and the spoils of history*. Cambridge: Cambridge University Press.

Megill A. (1998) History, memory, identity. *History of the human sciences*, 11(3): 37–62.

Meyer E. (2008) Memory and politics. In: Erll A., Nunning A. (eds.) *Cultural Memory Studies: An International and Interdisciplinary Handbook*. Berlin: de Gruyter: 173–181.

Nora P. (1999) *Frantsia — pamyat'* [France — memory]. St. Petersburg: Izdatelstvo Sankt-Peterburgskogo gosudarstvennogo universiteta (in Russian).

Pam"yat' Natsiyi [Memory of a nation] (2019) [<http://memorua.org>] (accessed: 01.11.2019) (in Ukrainian).

Popular Memory Group. (2011) Popular memory: theory, politics, method. In: Olick J. (ed.) *The Collective Memory Reader*. Oxford: Oxford University Press: 254–261.

Portnov A. (2013) Ukrainskie diskussii ob istorii: mezhdru politikoi, pamyat'yu i samoidentifikatsiei [Ukrainian discussions about history: between politics, memory and self-identification]. *Neprikosnovennyi zapas*, 2: 236–248 (in Russian).

Rosenwald G., Ochberg R. (1992) *Storied Lives: The Cultural Politics of Self-understanding*. Cambridge: Yale University Press.

Ryabchuk M. (2003) *Dvi Ukrayiny: real'ni mezhi, virtual'ni viiny* [Two Ukraines: real border, virtual wars]. Kyiv: Krytyka (in Ukrainian).

Terekhova T. (2015) Narrativnyy analiz kak ponimayushchiy metod [Narrative analysis as an understanding method]. *Gumanitarnyy vektor* [Humanitarian vector], 1(41): 143–152 (in Russian).

Ukrayins'kyi instytut natsional'noyi pam"yati [Ukrainian Institute of national memory] (2019) [<https://uinp.gov.ua>] (accessed: 11.11.2019) (in Ukrainian).

Wertsch J. (2008) Collective Memory and Narrative Templates. *Social Research*, 75(1): 133–156.

Yakubin O. (2016) Strasti za Viynoyu: kolektivna pam'yat v Ukrayini (2010-i roky) [Passion around War: collective memory of Ukraine (2010-s)]. *Spilne* [Common], 10: 159–166 (in Ukrainian).

Yarskaya-Smirnova E. (1997) Narrativnyy analiz v sotsiologii [Narrative analysis in Sociology]. *Sotsiologicheskyy zhurnal* [Sociological journal], 3: 38–61 (in Russian).

Zerniy Yu. (2007) Istorychna pam'yat yak ob'ekt derzhavnoyi polityky [Historical memory as an object of state politics]. *Strategichni priorytety* [Strategic priorities], 1(2): 71–76.

Zierold M. (2008) Memory and media cultures. In: Erll A., Nunning A. (eds.) *Cultural Memory Studies: An International and Interdisciplinary Handbook*. Berlin: de Gruyter: 399–409.